

Даниэла
Тим

Чарлз-
стрит, 44

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

С 80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel

44 CHARLES STREET

Перевод с английского *У.В. Сапциной*

Серийное оформление *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
студия «FOLD&SPINE»

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С 80 Чарлз-стрит, 44 : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с англ. У. В. Сапциной]. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. — (Серия «Даниэла»).

ISBN 978-5-17-088352-3

Франческа Тейел пришлось расстаться со своим давним другом и деловым партнером.

Чтобы оставить за собой арт-галерею, ей нужны деньги. Набравшись храбрости, Франческа открывает двери своего дома для трех квартирантов. Казалось бы, все идет как надо.

Но события с каждым днем развиваются все стремительнее. Очень скоро Франческа предстоит стать свидетелем преступления, полностью пересмотреть свои взгляды на жизнь, а главное, найти новую любовь — трудную и прекрасную, чувственную и чистую...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

© Danielle Steel, 2011

© Перевод. У.В. Сапцина, 2012

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2014

ISBN 978-5-17-088352-3

Посвящается моим чудесным любимым детям Бити, Тревору, Тодду, Нику, Сэм, Виктории, Ванессе, Максу и Заре. Пожалуйста, берегите себя, будьте невредимы, счастливы, любимы, по возможности мудры, отзывчивы и великодушны. Пусть вам всегда сопутствуют удача и благословение. Идеальный рецепт жизни.

Со всей моей любовью, мама/Д. С.

Глава 1

Франческа Тейер сидела за письменным столом, пока цифры не начали расплываться у нее перед глазами. За последние два месяца она корпела над ними, наверное, уже в тысячный раз, потратив все выходные на очередные подсчеты. И пришла к тому же результату, что и прежде. Было три часа ночи, длинные волнистые волосы Франчески разлохматились: в глубокой задумчивости она по привычке запускала в них пальцы. Франческа пыталась спасти свой бизнес и дом, но до сих пор понятия не имела, как это сделать. При мысли, что она рискует потерять и то, и другое, у нее сжималось сердце.

Этот бизнес они с Тоддом затеяли вдвоем четыре года назад, открыв в нью-йоркском районе Уэст-Виллидж арт-галерею и специализируясь на демонстрации и продаже работ начинающих художников по весьма и весьма умеренным ценам. Франческа была глубоко убеждена, что на ней лежит ответственность за судьбу художников, которых она представляла. Ее познания в живописи были более чем обширными, познания Тодда — нулевыми. До того как у Франчески появилась собственная галерея, она успела поработать администратором двух

других: галерея, куда она устроилась сразу после окончания учебы, находилась на окраине, вторая — в Трибеке. Но собственная галерея была ее давней хрустальной мечтой. У Франчески имелся диплом по изобразительному искусству, ее отец, известный художник, с недавних пор пользовался огромным успехом, галерея, открытая вместе с Тоддом, удостоивалась превосходных отзывов. Тодд азартно коллекционировал современное искусство и к помощи в открытии галереи относился как к развлечению. Собственная карьера адвоката на Уолл-стрит к тому времени ему уже поднадоела. Он сумел накопить солидную сумму и считал, что может позволить себе несколько лет отдыха. Бизнес-план, который он разработал для их общей галереи, сулил прибыли в ближайшие три года. Тодд не учел лишь пристрастие Франчески к недорогим работам никому не известных художников, ее старание помогать им по мере сил и не понял, что своей главной целью она считала показ картин, а не получение прибыли благодаря им. Ее стремление к финансовому успеху было гораздо скромнее аппетитов Тодда. Франческа довольствовалась ролью галеристки и меценатки, а для Тодда на первом месте стояла возможность делать деньги. Он решил, что для разнообразия неплохо приобщиться к искусству после долгих лет работы с налогами и недвижимостью по поручению известной юридической фирмы. Но теперь Тодд заявлял, что ему осточертело выслушивать жалобы тонких и ранимых творческих натур, видеть, как утекают сквозь пальцы вложенные им средства, и беднеть с каждым днем. Галерея утратила для Тодда вся-

кую привлекательность. В свои сорок лет он опять жаждал больших денег. К моменту серьезного разговора с Франческой он уже успел подыскать себе работу на Уолл-стрит. Через год ему пообещали партнерство в фирме. С торговлей искусством он намеревался завязать раз и навсегда.

Франческа же не собиралась останавливаться на полпути: она мечтала об успехе своей галереи и ради него была готова на все. И в отличие от Тодда не боялась разориться. Но за последний год их отношения расшатались, в итоге Тодд окончательно возненавидел их общий бизнес. Они ссорились буквально из-за каждого пустяка, поступка, встречи, решения, связанного с галереей. Прежде обязанности были четко разделены: Франческа искала художников, работала с ними, занималась выставками. Тодд оплачивал счета и ведал всеми финансовыми вопросами.

Как ни досадно, отношения между ними тоже сошли на нет. Они пробыли вместе пять лет, познакомившись, когда Франческе исполнилось тридцать, а Тодду — тридцать пять.

Франческе до сих пор не верилось, что отношения, которые еще недавно казались такими надежными, способны развалиться всего за год. Раньше они и не помышляли о браке, а теперь ссорились даже по этому поводу. Когда Тодду стукнуло сорок, его вдруг потянуло к традиционной жизни «как у всех». Внезапно оказалось, что он не имеет ничего против брака, мало того — ему не терпелось обзавестись детьми. А Франческа в свои тридцать пять мечтала о том же, что и пятью годами ранее, когда они только познакомились. Тогда они с Тоддом еди-

нодушно решили, что дети у них будут, но когда-нибудь потом, когда галерея наконец начнет процветать. Франческа с самого начала была откровенна с Тоддом и призналась, что слово «брак» внушает ей отвращение. Ей, словно зрительнице в первом ряду, пришлось наблюдать, как рвалась замуж ее мать и как все ее старания пять раз заканчивались грандиозным провалом. Всю свою жизнь Франческа прилагала все мыслимые старания, чтобы не повторить материнских ошибок. Матери она всегда стыдилась. И не хотела быть похожей на нее ни в чем.

Родители Франчески развелись, когда ей было шесть лет. Она видела не только как мечется мать, но и как ее обаятельный, но безответственный красавец отец крутит романы с юными девушками. Ни одна из них не задерживалась в его жизни дольше, чем на полгода. Отец ни в грош не ставил близкие отношения, мать относилась к браку, как к фетишу, и у Франчески, которая наблюдала за ними, развилось нечто вроде фобии к тому моменту, как она познакомилась с Тоддом. Он сам в четырнадцать лет пережил скандальный развод родителей и не верил в прочность брачных уз. Опыт прошлого сблизил их, но со временем Тодд увидел в супружестве некий смысл. Он объяснил Франческе, что устал от божьего образа жизни, при котором люди просто живут вместе и считают, что детьми можно обзаводиться и вне брака. Не успел Тодд задуть сорок свечей на своем торте, как его словно подменили: без предупреждения он стал приверженцем традиционных ценностей. А Франческа предпочла бы, чтобы между ними все осталось, как было.

Не прошло и нескольких месяцев, как выяснилось, что все друзья Тодда уже живут в тихих пригородах. И ему вдруг разонравился Уэст-Виллидж, где жили они с Франческой и который она обожала. И сам район, и местные жители внезапно стали вызывать у него брезгливость. Вдобавок ко всем сложностям вскоре после открытия галереи они облюбовали в том же районе полуразвалившийся дом. Они увидели его снежным декабрьским днем, мгновенно пленились и купили его по очень выгодной цене — настолько плачевным было состояние дома. Общими усилиями они привели дом в порядок, своими руками выполнив большую часть работы. Ремонту они посвящали все время, свободное от бдений в галерее, и не прошло и года, как дом преобразился. Обставленный мебелью, купленной на гаражных распродажах, он стал уютным уголком, завоевал их любовь. А теперь Тодд заявлял, что последние четыре года безвылазно провел под протекающей раковиной, с инструментами в руках. Ему больше по душе комфортабельная современная квартира в большом доме, где весь ремонт сделан кем-нибудь другим. В отчаянии Франческа бросилась спасать и общий бизнес, и дом. Несмотря на распад союза с Тоддом, ей хотелось сохранить и то, и другое, а как это сделать, она не представляла. Потерять не только Тодда, но и галерею с домом, — это уж слишком.

Оба испробовали все, лишь бы сохранить отношения, но тщетно. Прошли курс индивидуальной психотерапии и терапии для пар. Отдыхали друг от друга два месяца. До посинения обсуждали ситуацию. Шли на компромисс всякий раз, когда это тре-

бовалось. Но Тодд упрямо настаивал на том, чтобы закрыть или продать галерею, а Франческа было больно даже думать об этом. Мало того, он предлагал немедленно пожениться и обзавестись детьми, а она не хотела этого — и понимала, что может не захотеть никогда. От одного слова «брак» Франческу по-прежнему передергивало, несмотря на всю любовь к Тодду. Его новые друзья казались ей невыносимо скучными. Он считал их прежних друзей недалекими и пошлыми и твердил, что знать больше не желает веганов, голодающих художников и, как он выражался, «всяких левых».

Франческа недоумевала, как за несколько коротких лет их интересы могли настолько разойтись, но факт оставался фактом.

Прошлое лето они провели врозь, каждый занялся своим делом. Вместо того чтобы, по обыкновению, плавать под парусом вдоль берегов Мэна, Франческа три недели прожила в колонии художников, а Тодд съездил в Европу, попутешествовал с друзьями, на выходные отправлялся в Хэмптонс. К сентябрю и годовщине разногласий оба поняли, что все попытки примирения напрасны, и договорились расстаться. Единственным камнем преткновения осталась дальнейшая судьба галереи и дома. Франческа вложила в покупку своей половины дома и ремонт все свои немногочисленные сбережения, и теперь, чтобы оставить дом за собой, ей предстояло выкупить у Тодда его половину — или дать согласие на продажу дома. На дом они потратили все, что у них оставалось после открытия бизнеса, Франческа признавала требования Тодда справедливыми,

но выкупить у него половину дома ей было не на что. Тодд согласился подождать и дать ей время. Но уже наступил ноябрь, а от решения она была так же далека, как и два месяца назад. Тодд рассчитывал, что вскоре она образумится и сдастся.

В его планы входило продать дом к концу года или получить свою долю. И заодно выйти из общего бизнеса. Когда у Тодда выдавались свободные выходные, он по-прежнему помогал Франческе в галерее, но его душа уже не лежала к ней, а жизнь под одной крышей в отсутствие отношений оборачивалась новыми стрессами для обоих. Они не спали вместе уже много месяцев, Тодд старался почаще бывать у друзей. Это огорчало и его, и Франческу. Она сожалела о потерянных отношениях и тревожилась из-за галереи и дома. Горечь поражения, ненавистная Франческе, стала ее постоянной спутницей. Мало того, что отношения с Тоддом кончились крахом: по прошествии пяти лет было больно и горько начинать все с нуля. И вдобавок закрыть галерею или продать ее, да еще лишиться дома. Франческа понимала, что этого удара она не выдержит, но сколько ни смотрела на цифры, чуда не происходило, решение не являлось к ней. Все попытки складывать, вычитать и умножать приводили к одному и тому же результату: денег нет, выкупить долю Тодда не на что. Франческа устала сидеть на цифрах, чувствуя, как катятся слезы по щекам.

Она заранее знала, что услышит от матери, если поделится с ней своими бедами. Ее мать была категорически против любого бизнеса и покупки дома совместно с человеком, которого Франческа люби-

ла, но не представляла своим мужем. По мнению ее матери, сочетать инвестиции и романтику более неудачным образом было бы невозможно.

— А если вы расстанетесь? — допытывалась она, подразумевая, что это неизбежно — ведь ее собственные отношения всегда заканчивались разводом. — Что ты будешь делать? Тебе же не причитается ни алиментов, ни отступных.

Мать Франчески была твердо убеждена: любые отношения должны начинаться добрачным соглашением и заканчиваться соглашением об алиментах.

— У нас все решится так же, как при твоих разводах, мама! — объясняла Франческа, раздраженная намеками, впрочем, как и большинством материнских замечаний. — Благодаря хорошим юристам. Мы постараемся призвать на помощь всю любовь, какая у нас останется, будем вести себя прилично и проявлять уважение друг к другу.

Ее мать умудрялась не только добиться благоприятных для себя условий развода, но и сохранить дружеские отношения с бывшими мужьями, которые обожали ее. Талия Хэмиш-Андерс-Тейер-Джонсон-ди Санджоване была красива, эффектна, избалована, эгоистична, жизнелюбива, шикарна и, по меркам большинства людей, чуточку сумасбродна. Желая проявить снисходительность к матери, Франческа называла ее «колоритной». Но в сущности, мать всю жизнь была для нее источником мучительного унижения. Она побывала замужем за тремя американцами и двумя европейцами. Оба ее европейских мужа, британец и итальянец, носили

титулы. Четырежды разведенная, в последнем браке она овдовела. Ее мужьями были пользовавшийся шумной популярностью писатель, отец Франчески — художник, отпрыск семейства известных британских банкиров, техасский застройщик, который предложил бывшей жене щедрые алименты и два торговых центра, благодаря чему она и вышла за почти нищего, но очаровательного итальянского графа, который спустя восемь месяцев погиб в страшной автокатастрофе в Риме, разбившись на своем «Феррари».

Порой родная мать казалась Франческе инопланетянкой. У них не было абсолютно ничего общего. Теперь, конечно, мать имела полное право воскликнуть: «Я же говорила!» — узнав, что ее дочь опять осталась одна. Но сообщить матери эту новость Франческе пока не хватало духу. Она не желала опять выслушивать упреки и наставления.

Мать не предложила ей помощь, когда Франческа покупала дом и открывала галерею, и вряд ли предложит теперь. Затраты на дом она считала безрассудством, ей не нравился район, и она, подобно Тодду, советовала Франческе продать дом, уверяя, что при этом оба владельца останутся в выигрыше. Но Франческе нужны были не деньги, а ее обожаемый дом, и она не сомневалась в том, что существует способ сохранить его. Надо только найти этот способ. Мать ни за что не поможет ей. Она никогда ей не помогала. Франческа давно поняла, что ее мать не из тех женщин, которых можно назвать практичными. Всю свою жизнь она полагалась на мужчин, только благодаря алиментам и отступным от них она

продолжала жить на широкую ногу. За свою жизнь она не заработала своими руками ни гроша, только получала деньги, выходя замуж или разводясь, что, по мнению Франчески, было не лучше проституции.

Сама Франческа пользовалась полной независимостью и не собиралась расставаться с ней. Наблюдая, как живет мать, она поклялась себе никогда и ни на кого не рассчитывать, особенно на мужчин. В семье Франческа была единственным ребенком. Ее отец Генри Тейер практичностью ненамного превосходил ее мать. Долгие годы Генри был нищим художником, обаятельным чудаком и ловеласом, пока одиннадцать лет назад ему, уже пятидесятичетырехлетнему, не повезло познакомиться с Эйвери Уиллис. Генри предложил ей стать его адвокатом в судебном процессе против галериста, который обманом отнял у Генри деньги, и Эйвери Уиллис выиграла этот процесс. А потом помогла подопечному выгодно вложить полученные деньги, вместо того чтобы транжирить их на очередных подружек. После этого Генри сделал, по мнению Франчески, единственный гениальный ход в своей жизни — через год женился на Эйвери. В свои пятьдесят она впервые вышла замуж и за последующие десять лет помогла мужу сколотить немалое состояние, удачно вложить деньги и обзавестись превосходной недвижимостью. Она уговорила Генри купить дом в Сохо, где они продолжали жить и где находилась его мастерская. Со временем к городскому дому прибавился загородный в Коннектикуте. Эйвери взяла на себя роль агента Генри, цены на его работы взлетели до небес, финансовые дела наконец-то наладились. А Генри

впервые за всю жизнь хватило ума хранить Эйвери верность. Считая, что его жена способна творить чудеса, он обожал ее. После матери Франчески она стала единственной женщиной в мире, на которой он согласился жениться. Но Эйвери и Талия были настолько разными, насколько это возможно.

Эйвери сделала достойную восхищения карьеру юриста и никогда не зависела от мужчины. Теперь ее единственным клиентом был муж. Ей недоставало шика, но эта миловидная женщина была цельной, практичной и умной. Они с Франческой понравились друг другу с первого взгляда. По возрасту Эйвери годилась Франческе в матери, но вовсе не желала опекать ее. Своих детей у нее не было, до замужества она относилась к браку столь же неприязненно, как и Франческа. С родителями ей не повезло: если Эйвери и заговаривала о них, то называла чокнутыми. С мачехой Франческа дружила последние десять лет. В свои шестьдесят Эйвери выглядела естественно и молодо. Она была всего двумя годами моложе матери Франчески, но с первого же взгляда на них обеих становилось ясно, что Талия сделана совсем из другого теста.

В шестьдесят два года Талия мечтала лишь об одном: найти очередного мужа, уверенная, что шестой супруг окажется идеальным и последним. Франческа в этом сомневалась и надеялась, что матери хватит ума удержаться от очередной глупости. Правда, ей казалось, что чересчур активные поиски «номера шесть» отпугнут от матери всех возможных кандидатов. В то, что Талия вдовела уже шестнадцать лет, несмотря на непрестанные романы, ве-